
Тень, которая
тебя любит
18+

Лилия Рейн

Тень, которая тебя любит

https://litres.ru/74734644
SelfPub; 2026

Аннотация

Селина видит то, чего не видят другие: вторые лица людей. Их тени. Селина научилась молчать, не вмешиваться и не смотреть слишком долго. Она работает в «Лавке тихих огней», продаёт свечи и амулеты от кошмаров — и старается не замечать, что тени вокруг неё ведут себя странно.

Однажды на Мосту Шёпотов она встречает мужчину без тени. Он не удивляется, не исчезает и не пытается казаться нормальным. Он просто говорит: «Значит, видите». Его зовут Кайен. Он утверждает, что её тень говорит с ним, что они уже встречались — задолго до этой ночи.

На следующее утро Кайен приходит в лавку и кладёт на прилавок серебряное кольцо с тёмным камнем. Кольцо-ключ. К тому, кто украл его тень. И, возможно, к тому, кто стоит за смертью матери Селины. У неё есть время до заката. Потом тень Кайена найдёт её сама.

Тёмное романтическое фэнтези о тенях, которые помнят больше, чем люди. О девушке, которая слишком долго не смотрела. И о незнакомце без тени, который уже не может отпустить её.

Лилия Рейн
Тень, которая тебя любит

Глава 1

Я вижу тени. Не те, что дрожат на стенах от свечей, и не те, что прячутся под кроватью в детстве, готовые превратить скрип половицы в чужой шаг. Я вижу вторые лица. Тени людей. Они тянутся за хозяевами по улицам, ложатся на мостовые, застревают в дверных проёмах и иногда ведут себя так, будто живут собственной, куда более честной жизнью. Они не всегда повторяют движения хозяина. У лжеца тень улыбается, когда он хмурится. У вдовы, которая говорит, что смирилась, тень до сих пор держит за руку того, кого уже похоронили. У убийцы тень стоит с ножом, даже если руки убийцы сложены в молитве.

Я научилась не смотреть. Иначе сойдёшь с ума. Можно привыкнуть к темноте, к запаху воска, к скрипу половиц, к тому, что зеркала в лавке иногда показывают не то, что стоит перед ними. Но нельзя привыкнуть к чужой правде, которая беззвучно стоит рядом и ждёт, когда ты всё-таки повернёшь голову.

Меня зовут Селина. Я работаю в «Лавке тихих огней» на улице Полумесяца: продаю свечи, зеркала и маленькие аму-

леты от ночных кошмаров. Лавка у нас узкая, как пенал, с низким потолком и полками, на которых свечи стоят рядами, будто маленькие молчаливые стражи. Днём здесь пахнет воском, пылью и сушёными травами, вечером — дождём, который всегда приносят на подошвах покупатели. Тётушка Марта, хозяйка лавки, считает меня просто тихой девушкой с хорошими руками. Она хвалит меня за то, что я аккуратно заворачиваю покупки в серую бумагу и никогда не путаю сдачу. Она не знает, что каждый раз, когда она говорит покупателю «да хранят вас тени предков», я вижу, как её собственная тень закатывает глаза.

Сегодняшний вечер начался с женщины в сером. Она вошла, когда за окном уже стемнело, и колокольчик над дверью звякнул коротко и сухо, будто предупреждая. От неё пахнуло мокрой шерстью и дорогими духами — так пахнет человек, который долго шёл под дождём, но всё равно хочет казаться собранным. Женщина купила три свечи — «для спокойствия», как она сказала. Голос у неё был ровный, усталый, будто она повторяла эти слова много раз и уже сама в них не верила. Её тень вошла следом. Тень была меньше хозяйки, сгорбленная, и баюкала на руках ребёнка. Ребёнка, которого рядом не было. Я видела, как её руки — тенистые, тонкие, слишком длинные — бережно поддерживали пустоту, и эта пустота в её объятиях была тяжелее любого живого младенца. Женщина расплатилась, улыбнулась, поблагодарила и ушла. Дверь закрылась, колокольчик вздохнул, и в лавке

снова стало тихо. Я не сказала ничего. Я просто переставила свечи на полке — сдвинула три белые чуть левее, чтобы освободить место для новых, — и мысленно досчитала до десяти. До десяти всегда легче, чем до девяти: на десятом счёте можно убедить себя, что ты просто продавщица, а не свидетель.

Правило первое: не вмешивайся.

Правило второе: не спрашивай.

Правило третье: не смотри в глаза тени дольше, чем нужно, чтобы понять, что она не смотрит в ответ.

Дождь только закончился. Город пах мокрым камнем и дымом — тем горьковатым дымом, который выползает из труб к вечеру, когда люди топят печи сырыми дровами и стараются не думать о том, что осень уже вцепилась в крыши. Фонарщик прошёл по улице Полумесяца раньше меня: огни уже горели, и в лужах они дрожали, как подводные звёзды, размытые, зыбкие, готовые исчезнуть от любого шага. Я шла быстро, опустив голову, и считала шаги. До моста — двести двенадцать. По мосту — сорок восемь, если не сбиваться. Я всегда считала. Не потому, что любила числа, а потому что числа не имеют теней. Они просто идут себе по порядку, и в них нет ничего, что могло бы посмотреть на тебя в ответ.

На Мосту Шёпотов почти никого не было. Только у последнего фонаря стоял мужчина. Высокий. В чёрном пальто, слишком хорошем для этого района — не по моде, а по ткани, по тому, как оно сидело, будто его шили на заказ в ма-

стерской, где не задают лишних вопросов. Тёмные волосы, бледное лицо, руки в карманах. Он смотрел на воду. Я бы прошла мимо. Честное слово, прошла бы. У меня были свои правила, и первое из них гласило: не вмешивайся. Второе: не спрашивай. Третье: не смотри в глаза тени дольше, чем нужно, чтобы понять, что она не смотрит в ответ. Я почти прошла. Оставалось каких-то десять шагов.

Но у него не было тени.

Я остановилась. Не потому, что хотела. Просто ноги отказались идти дальше, будто кто-то вынул из них воздух. Фонарь горел ярко — слишком ярко для этого часа, как будто его специально зажгли чуть сильнее. Лужа под ногами мужчины отражала свет, мостовую, край его пальто, даже мелкую рябь от ветра. А тени не было. Ни длинной, ни короткой, ни хотя бы жалкого серого пятна. Пусто. Как будто он был вырезан из мира и вставлен обратно без второго слоя. Я видела тени собак, тени водосточных труб, тень старого фонаря, которая лежала на камнях, как забытый платок. Но рядом с ним — ничего. Только мокрый камень и отражение, в котором не хватало человека.

Мужчина повернул голову.

— Вы что-то потеряли? — спросил он.

Голос был низкий, спокойный. Так говорят люди, которые точно знают, что они делают на этом мосту в этот час. Не извиняются, не торопятся, не повышают голоса. Я почувствовала, как холод поднимается по спине, хотя плащ был застёг-

нут до самого горла.

— Нет, — сказала я, слишком быстро.

Он посмотрел на меня внимательнее. У него были серые глаза, почти светлые, как вода под льдом. И в них не было ни удивления, ни насмешки. Только странное, очень внимательное спокойствие. Так смотрят на вещь, которую долго искали и наконец нашли не там, где ожидали.

— Тогда почему вы смотрите на землю у моих ног?

Я могла соврать. Я умею врать. Я делаю это каждый день, когда говорю покупателям, что их тени выглядят счастливыми. Я научилась говорить это ровно, мягко, с чуть виноватой улыбкой, будто извиняюсь за то, что не могу показать им чудо. Но сейчас я почему-то сказала правду. Может быть, потому что дождь смыл осторожность. Может быть, потому что он стоял слишком неподвижно. Может быть, потому что моя собственная тень у меня за спиной вдруг стала слишком тихой.

— У вас нет тени, — сказала я.

Он не улыбнулся. Не отшатнулся. Просто кивнул, как будто я сказала, что сегодня вторник.

— Значит, видите.

Я сделала шаг назад. Тени вокруг него вели себя странно. Тени прохожих на другой стороне моста жались к стенам, как собаки, почуявшие волка. Даже тень фонаря — обычно ровная и скучная — вытянулась в сторону и замерла, будто прислушиваясь. А его собственная тень отсутствовала. И это

отсутствие было громче любого крика. Я слышала, как вода шумит под мостом, как где-то далеко скрипит вывеска, как шуршит по камням последняя капля, но всё это было лишь фоном. Главным было пустое место у его ног.

— Кто вы? — спросила я.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Я сам хотел бы знать ответ.

Он вынул руку из кармана. Я напряглась, но он просто поправил воротник. Пальцы у него были длинные, бледные, без колец. На запястье — тонкий шрам, старый, почти белый. Он тянулся от основания ладони вверх, к рукаву, и я успела подумать: след от ножа? от верёвки? от чего-то, что оставляет следы только на людях, которые выжили. Он опустил руку, и я поняла, что всё это время не дышала.

— Вы не должны меня бояться, — сказал он.

— Люди без тени обычно говорят именно это.

— Люди без тени? — Он склонил голову. — Вы часто встречаете таких?

— Впервые.

— Тогда вам повезло. Или нет.

Он шагнул ко мне. Я не отступила. Не из храбрости — просто мост сузился, а перила были холодные и мокрые. Я чувствовала их сквозь перчатку, как чувствуют чужую руку. Он остановился на расстоянии вытянутой руки. Близко. Слишком близко. Я чувствовала запах дождя и что-то ещё — горькое, как дым от сгоревшей бумаги. Так пахнут старые

письма, если их бросить в огонь.

— Ваша тень дрожит, — сказал он тихо.

Я посмотрела вниз.

Моя тень лежала на камнях, вытянутая светом фонаря. Обычно она повторяла каждое моё движение. Если я поднимала руку, она поднимала. Если я наклоняла голову, она наклоняла. Сейчас она стояла неподвижно. И смотрела не на меня. Она смотрела на него. Я видела, как край её — тонкий, размытый, как чернильное пятно на промокашке — чуть подался вперёд, будто хотел коснуться пустоты у его ног.

— Она вас выдаёт, — продолжил мужчина. — Вы можете врать сколько угодно. Ваша тень всегда расскажет правду. Например, сейчас она говорит, что вы не хотите уходить. Хотя должны.

— Это не ваше дело.

— Согласен. — Он чуть наклонился. — Но, видите ли, я ищу одну вещь. И, кажется, она только что нашла меня.

— Я не вещь.

— Нет. Вы гораздо интереснее.

Он поднял руку. Я думала, он коснётся моего лица, и уже приготовилась отшатнуться. Но он только указал пальцем вниз, на мою тень.

— Ваша тень знает мою. Они уже встречались. Давно. До вас. До меня. До этого города.

— Это невозможно.

— Возможно, — сказал он. — Просто вы ещё не помните.

Где-то за спиной хлопнула дверь. На мосту появились люди — двое пьяных в мокрых плащах, они громко смеялись и не смотрели в нашу сторону. Один из них поскользнулся, второй поймал его за локоть, и они пошли дальше, расплёскивая воду из луж. Мужчина отступил. Свет фонаря на секунду мигнул, и мне показалось, что на камнях рядом с ним мелькнула тень. Длинная, сгорбленная, с чем-то острым в руке. Потом исчезла. Я не успела разглядеть, но сердце у меня в груди сделало один очень медленный, очень тяжёлый удар.

— Мне пора, — сказал он.

— Подождите. Кто вы?

Он уже шёл прочь, в сторону переулка Трёх Ворот. Шёл не быстро, не медленно, будто мост был обычным мостом, а ночь — обычной ночью. У самого края моста он обернулся.

— Не ищите мою тень, — сказал он. — Она уже ищет вас.

И ушёл.

Я стояла на мосту ещё минуту. Может, две. Пьяные прошли мимо, один из них сказал мне что-то грубое, я не расслышала. Дождь снова начал накрапывать. Сначала редко, по одной капле, потом чаще, и вскоре лужи опять пошли кругами. Я посмотрела на свою тень.

Она больше не смотрела на меня. Она смотрела вслед ему.

И впервые за двадцать три года я поняла, что моя тень может хотеть чего-то без меня.